

САМЫЙ НЕОБЫЧАЙНЫЙ ПРИЗ

В ту далекую пору, о которой пойдет речь, я очень любил... отдыхать. И хотя к двенадцати годам я вряд ли успел от чего-нибудь слишком уж сильно устать, но я мечтал, чтобы в календаре все поменялось: пусть в дни, которые сверкают красной краской (этих дней в календаре так немного!), все ходят в школу, а в дни, которые отмечены обыкновенной черной краской, развлекаются и отдыхают. И тогда можно будет с полным основанием сказать, мечтал я, что посещение школьных занятий – это для нас настоящий праздник!

На уроках я до того часто надоедал Мишке-будильнику (отец подарил ему огромные старые часы, которые тяжело было носить на руке), что Мишка сказал однажды:

– Не спрашивай меня больше, сколько осталось до звонка: каждые пятнадцать минут я буду понарошку чихать.

Так он и делал.

Все в классе решили, что у Мишки «хроническая простуда», а учительница даже принесла ему какой-то рецепт. Тогда он перестал чихать и перешел на кашель: от кашля ребята все же не так сильно вздрагивали, как от оглушительного Мишкиного «апчи!».

За долгие месяцы летних каникул многие ребята просто уставали отдыхать, но я не уставал. С первого сентября я уже начинал подсчитывать, сколько дней осталось до зимних каникул. Эти каникулы нравились мне больше других: они, хоть и были короче летних, но зато приносили с собой елочные праздники с Дедами-Морозами, Снегурочками и нарядными подарочными пакетами. А в пакетах были столь любимые мною в ту пору пастила, шоколад и пряники. Если б мне разрешили есть их три раза в день, вместо завтрака, обеда и ужина, я согласился бы сразу, не задумываясь ни на одну минуту!

Задолго до праздника я составлял точный список всех наших родственников и знакомых, которые могли достать билеты на Елку. Дней за десять до первого января я начинал звонить.

– С Новым годом! С новым счастьем! – говорил я двадцатого декабря.

– Уж очень ты рано поздравляешь, – удивлялись взрослые.

Но я-то знал, когда надо поздравлять: ведь билеты на Елку везде распределялись заранее.

– Ну, а как ты заканчиваешь вторую четверть? – неизменно интересовались родные и знакомые.

– Неудобно как-то говорить о самом себе... – повторял я фразу, услышанную однажды от папы.

Из этой фразы взрослые почему-то немедленно делали вывод, что я – круглый отличник, и завершали нашу беседу словами:

– Надо бы тебе достать билет на Елку! Как говорится, кончил дело – гуляй смело!

Это было как раз то, что нужно: гулять я очень любил!

Но вообще-то мне хотелось немного изменить эту известную русскую поговорку – отбросить два первых слова и оставить только два последних: «Гуляй смело!»

Ребята в нашем классе мечтали о разном: строить самолеты (которые тогда еще называли аэропланами), водить по морям корабли, быть шоферами, пожарниками и вагоновожатыми... И только я один мечтал стать массовиком. Мне казалось, что нет ничего приятней этой профессии: с утра до вечера веселиться самому и веселить других! Правда, все ребята открыто говорили о своих мечтах и даже писали о них в сочинениях по литературе, а я о своем заветном желании почему-то умалчивал. Когда же меня в упор спрашивали: «Кем ты хочешь стать в будущем?» – я каждый раз отвечал по-разному: то летчиком, то геологом, то врачом. Но на самом деле я все-таки мечтал стать массовиком!

Мама и папа очень много размышляли о том, как меня правильно воспитывать. Я любил слушать их споры на эту тему. Мама считала, что «главное – это книги и школа», а папа неизменно напоминал, что именно физический труд сделал из обезьяны человека и что поэтому я прежде всего должен помогать взрослым дома, во дворе, на улице, на бульваре и вообще всюду и везде. Я с ужасом думал, что, если когда-нибудь мои родители наконец договорятся между собой, я пропал: тогда мне придется учиться только на пятерки, с утра до вечера читать книги, мыть посуду, натирать полы, бегать по магазинам и помогать всем, кто старше меня, таскать по улицам сумки. А в то время почти все в мире были старше меня...

Итак, мама и папа спорили, а я не подчинялся кому-нибудь одному, чтобы не обидеть другого, и делал все так, как хотел сам.

Накануне зимних каникул беседы о моем воспитании разгорались особенно жарко. Мама утверждала, что размеры моего веселья должны находиться в «прямой пропорциональной зависимости от отметок в дневнике», а папа говорил, что веселье должно быть в такой же точно зависимости от моих «трудовых успехов». Пospорив между собой, оба они приносили мне по билету на елочные представления.

Вот с одного такого представления все и началось...

Я хорошо запомнил тот день – последний день зимних каникул. Мои друзья уже просто рвались в школу, а я не рвался... И хотя из Елок, на которых я побывал, вполне можно было бы образовать небольшой хвойный лесок, я пошел на очередной утренник – в Дом культуры медицинских работников. Медицинским работником была сестра мужа маминой сестры; и хотя ни раньше, ни сейчас я бы не мог точно сказать, кем она мне приходится, билет на медицинскую Елку я получил.

Войдя в вестибюль, я поднял голову и увидел плакат: ПРИВЕТ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПРОБЛЕМАМ БОРЬБЫ ЗА ДОЛГОЛЕТИЕ!

А в фойе висели диаграммы, показывающие, как было написано, «рост снижения смертности в нашей стране». Диаграммы были весело обрамлены разноцветными лампочками, флажками и мохнатыми хвойными гирляндами.

Меня тогда, помнится, очень удивило, что кого-то серьезно занимают «проблемы борьбы за долголетие»: я не представлял себе, что моя жизнь может когда-нибудь кончиться. А мой возраст приносил мне огорчения только тем, что был слишком мал. Если незнакомые люди интересовались, сколько мне лет, я говорил, что тринадцать, потихоньку накидывая годик. Сейчас я уже ничего не прибавляю и не убавляю. А «проблемы борьбы за долголетие» не кажутся мне уж столь непонятными и ненужными, как тогда, много лет назад, на детском утреннике...

Среди диаграмм, на фанерных щитах, были написаны разные советы, необходимые людям, которые хотят подольше прожить. Я запомнил лишь совет о том, что надо, оказывается, поменьше сидеть на одном месте и побольше двигаться. Я запомнил его для того, чтобы пересказать своим родителям, которые то и дело повторяли: «Хватит тебе носиться по двору! Хоть бы посидел немножко на одном месте!» А сидеть-то, оказывается, как раз и не нужно! Потом я прочитал большой лозунг: «Жизнь есть движение!» – и помчался в большой зал, чтобы принять участие в велосипедных гонках. В тот миг я, конечно, не мог предположить, что это спортивное соревнование сыграет совершенно неожиданную роль в моей жизни. Нужно было сделать три стремительных круга на двухколесном велосипеде по краю зрительного зала, из которого были убраны все стулья. И хотя старики редко бывают спортивными судьями, но тут судьей был Дед-Мороз. Он стоял, словно на стадионе, с секундомером в руке и засекал время каждого гонщика. Точней сказать, он держал секундомер в нарядных серебристо-белых рукавицах. И весь был нарядный, торжественный: в тяжелой красной шубе, прошитой золотыми и серебряными нитками, в высокой красной шапке с белоснежным верхом и с бородой, как полагается, до самого пояса.

Обычно везде, и даже на праздничных утренниках, у каждого из моих друзей было какое-то свое особое увлечение: один любил скатываться вниз с деревянной горки – и делал это столько раз подряд, что за несколько часов успевал протереть штаны; другой не вылезал из кинозала, а третий стрелял в тире до тех пор, пока ему не напоминали, что и другие тоже хотят пострелять. Я успевал испытать все удовольствия, на которые давал право пригласительный билет: и съехать с горки, и промахнуться в тире, и выловить металлическую рыбку из аквариума, и покружиться на карусели, и разучить песню, которую все уже давно знали наизусть.

Поэтому на велосипедные гонки я явился немного утомленным – не в лучшей форме, как говорят спортсмены. Но когда я услышал, как Дед-Мороз громко провозгласил: «Победитель получит самый необычайный приз за всю историю новогодних елок!» – силы ко мне вернулись и я почувствовал себя абсолютно готовым к борьбе.

До меня по залу пронеслись девять юных гонщиков, и время каждого было громогласно, на весь зал, объявлено Дедом-Морозом.

– Десятый – и последний! – объявил Дед-Мороз.

Его помощник – массовик дядя Гоша подкатил ко мне облезлый двухколесный велосипед. До сих пор я помню все: и что верхняя крышечка звонка была оторвана, и что на раме облупилась зеленая краска, и что в переднем колесе не хватало спиц.

– Старый, но боевой конь! – сказал дядя Гоша.

Дед-Мороз выстрелил из самого настоящего стартового пистолета – и я нажал на педали...

Катался я на велосипеде не очень хорошо, но в моих ушах все время звучали слова Деда-Мороза: «Самый необычайный приз за всю историю новогодних елок!»

Эти слова подгоняли меня: ведь, пожалуй, никто из участников этого соревнования не любил получать подарки и призы так сильно, как любил я! И к «самому необычайному призу» я примчался быстрее всех остальных.

Дед-Мороз взял мою руку, которая утонула в его рукавице, и высоко поднял ее, как поднимают руки победителей боксерских соревнований.

– Объявляю победителя! – произнес он так громко, что услышали все дети медицинских работников во всех залах Дома Культуры.

Сразу же рядом появился массовик дядя Гоша и своим вечно радостным голосом воскликнул:

– Давайте поприветствуем, ребята! Давайте поприветствуем нашего рекордсмена!

Он захопал, как всегда, так настоятельно, что сразу же потянул за собой аплодисменты со всех концов зала. Дед-Мороз взмахнул рукой и установил тишину:

– Я не только объявляю победителя, но и награждаю его!

– Чем?.. – нетерпеливо поинтересовался я.

– О, ты даже представить себе не можешь!

В голосе Деда-Мороза мне почудилось что-то странное: он говорил как волшебник, уверенный, что может сделать необычайное, сотворить чудо – и поразить всех! И я не ошибся...

– В сказках чародеи и волшебники просят обычно задумать три заветных желания, – продолжал Дед-Мороз. – Но мне кажется, что это слишком много. Ты же установил велосипедный рекорд только один раз, и я выполню одно твое желание! Но зато – любое!.. Подумай хорошенько, не торопись.

Я понял, что такой случай представляется мне первый и последний раз в жизни. Я мог попросить, чтобы мой лучший друг Валерик остался моим лучшим другом навсегда, на всю мою жизнь! Я мог попросить, чтобы контрольные работы и домашние задания учителей выполнялись сами собой, без всякого моего участия. Я мог попросить, чтобы папа не заставлял меня бегать за хлебом и мыть посуду! Я мог попросить, чтобы вообще эта посуда мылась сама собой или никогда не пачкалась. Я мог попросить...

Одним словом, я мог попросить все что угодно. И если бы я знал, как в дальнейшем сложится моя жизнь и жизнь моих друзей, я бы, наверно, попросил о чем-нибудь очень важном для себя и для них. Но в тот момент я не мог заглянуть вперед, сквозь годы, а мог только поднять голову – и увидеть то, что было вокруг сияющую елку, сияющие игрушки и вечно сияющее лицо массовика дяди Гоши.

– Чего же ты хочешь? – спросил Дед-Мороз.

И я ответил.

– Пусть всегда будет Елка! И пусть никогда не кончатся эти каникулы!..

– Ты хочешь, чтобы всегда было так же, как сегодня?

Как на этой Елке? И чтобы никогда не кончались каникулы?

– Да. И чтобы все меня развлекали...

Последняя моя фраза звучала не очень хорошо, но я подумал: «Если он сделает так, чтобы все меня развлекали, тогда, значит, и мама, и папа, и даже учителя должны будут доставлять мне одни только удовольствия. Не говоря уже обо всех остальных...»

Дед-Мороз ничуть не удивился:

– Хорошо, эти желания вполне можно посчитать за одно. Я сделаю так, чтобы каникулы и развлечения для тебя никогда не кончались!

– И для Валерика тоже! – поспешно добавил я.

– Кто это... Валерик? – спросил Дед-Мороз.

– Мой лучший друг!

– А может быть, он вовсе не хочет, чтобы эти каникулы длились вечно? Он об этом меня не просил.

– Я сейчас сбегая вниз... Позвоню ему из автомата и узнаю: хочет он или нет.

– Если ты еще вдобавок попросишь у меня деньги на автомат, то это и будет считаться исполнением твоего желания: ведь оно может быть только одно! – сказал Дед-Мороз. – Хотя... скажу тебе по секрету: я теперь должен выполнять и другие твои просьбы!

– Почему?

– О, не торопись! Со временем узнаешь! Но эту просьбу я выполнить не могу: твой лучший друг не участвовал в велосипедных гонках и не завоевал первого места. За что же я должен награждать его самым необычным призом?

Я не стал спорить с Дедом-Морозом: с волшебником спорить не полагается. К тому же я решил, что мой лучший друг Валерик – гипнотизер и правда не захочет, чтобы каникулы никогда не кончались...

Почему гипнотизер? Сейчас расскажу вам...

Однажды в пионерлагере, где мы летом были с Валериком, вместо киносеанса устроили «сеанс массового гипноза».

– Спать! Спать! Спать!.. – замогильным голосом произносил со сцены бледный гипнотизер.

– Это какое-то шарлатанство! – на весь зал воскликнула старшая пионервожатая. И первая в зале уснула...

А потом уснули и все остальные. Только один Валерик продолжал бодрствовать. Тогда гипнотизер разбудил нас всех и объявил, что у Валерика очень сильная воля, что он сам, если захочет, сможет диктовать эту свою волю другим и, наверно, при желании сумеет сам стать гипнотизером, дрессировщиком и укротителем. Все очень удивились, потому что Валерик был невысоким, худеньким, бледным и даже в лагере летом совсем не загорел.

Я, помню, решил немедленно использовать могучую волю Валерика в своих интересах.

– Мне сегодня нужно учить теоремы по геометрии, потому что завтра меня могут вызвать к доске, – сказал я ему в один из первых дней нового учебного года. – А мне очень хочется идти на футбол... Продиктуй мне свою волю: чтобы сразу расхотелось идти на стадион и захотелось зубрить геометрию!

– Пожалуйста, – сказал Валерик. – Попробуем. Смотри на меня внимательно: в оба глаза! Слушай меня внимательно: в оба уха!

И начал диктовать мне свою волю... Но через полчаса я все равно отправная на футбол. А на другой день, сказал своему лучшему другу:

– Я не поддался гипнозу – значит, и у меня тоже сильная воля?

– Сомневаюсь, – ответил Валерик.

– Ага, если ты не поддаешься, то это из-за сильной юли, а если я не поддаюсь, то это ничего не значит? Да?

– Извини, пожалуйста... Но, по-моему, это так.

– Ах, это так? А может быть, и ты вообще никакой не гипнотизер? И не дрессировщик? Вот докажи мне свою силу: усыпи сегодня на уроке нашу учительницу, чтобы она не смогла меня вызвать к доске.

– Извини... Но если я начну ее усыплять, могут уснуть и все остальные.

– Понятно. Тогда просто продиктуй ей свою волю: пусть она оставит меня в покое! Хотя бы на сегодняшний день...

– Хорошо, постараюсь.

И он постарался... Учительница раскрыла журнал и сразу же назвала мою фамилию, но потом подумала немного и сказала:

– Нет... пожалуй, сиди на месте. Лучше послушаем сегодня Парфенова.

Мишка-будильник поплелся к доске. А я с того самого дня твердо поверил, что мой лучший друг – настоящий укротитель и гипнотизер. Сейчас Валерик уже не живет в нашем городе... А мне все кажется, что вот-вот раздадутся три торопливых, словно догоняющих друг друга, звонка (так всегда звонил только он!). А летом я вдруг ни с того ни с сего высовываюсь в окно: мне кажется, что со двора меня, как прежде, зовет негромкий Валеркин голос: «Эй, иностранец!.. Петька-иностранец!» Не удивляйтесь, пожалуйста: так меня звал Валерик, а почему – в свое время узнаете. С годами я стал замечать, что дружба очень часто связывает людей с разными и даже противоположными характерами. Сильный хочет поддержать бесхарактерного, словно бы поделиться с ним своей волей и мужеством; добрый хочет отогреть чье-то холодное, черствое сердце; настойчивый хочет заразить своим упорством легкомысленного и увлечь его за собой...

Валерик тоже пытался вести меня за собой, но я то и дело терял его след и сбивался с дороги. Ведь это он, к примеру, заставил меня заниматься в школе общественной работой: быть членом санитарного кружка. В те предвоенные годы часто объявлялись учебные воздушные тревоги. Члены нашего кружка надевали противогазы, выбегали с носилками во двор и оказывали первую помощь «пострадавшим». Я очень любил быть «пострадавшим»: меня заботливо укладывали на носилки и тащили по лестнице на третий этаж, где был санитарный пункт.

Мне тогда и в голову не приходило, что скоро, очень скоро нам придется услышать сирены настоящей, не учебной тревоги, и дежурить на крыше своей школы, и сбрасывать оттуда фашистские зажигалки. Я и представить себе не мог, что мой город когда-нибудь оглушат разрывы фугасных бомб... Я не знал обо всем этом в тот день, на сверкающем Елочном празднике: ведь сети бы мы обо всех бедах узнавали заранее, тогда вообще не могло бы быть на свете никаких праздников.

Дед-Мороз торжественно объявил:

– Выполняю твоё желание: ты получишь путевку в Страну Вечных Каникул!

Я быстро протянул руку. Но Дед-Мороз опустил ее:

– В сказке путевок на руки не выдают! И пропусков не выписывают. Все произойдет само собой. С завтрашнего утра ты очутишься в Стране Вечных Каникул!

– А почему не сегодня? – нетерпеливо спросил я.

– Потому что сегодня ты можешь отдыхать и развлекаться без всякой помощи волшебной силы: каникулы ведь еще не кончились. Но завтра все пойдут в школу, а для тебя каникулы будут продолжаться!..

ТРОЛЛЕЙБУС ИДЕТ «В РЕМОНТ»

На следующий день чудеса начались прямо с утра: не зазвонил будильник, который я накануне завел и, как всегда, поставил на стуле возле кровати.

Но я все равно проснулся. Вернее сказать, я не спал с самой полуночи, ожидая своего предстоящего отъезда в Страну Вечных Каникул. Но никто оттуда за мной не приезжал... Просто вдруг промолчал будильник. А потом ко мне подошел папа и строго произнес:

– Немедленно перевернись на другой бок, Петр! И продолжай спать!.. Это сказал папа, который был за «беспощадное трудовое воспитание», который всегда требовал, чтобы я вставал раньше всех и чтобы не мама готовила мне утренний завтрак, а я сам готовил завтрак для себя и для всей нашей семьи.

А потом мама грозно добавила:

– Не вздумай, Петр, пойти в школу. Смотри у меня!

И это сказала мама, которая считала, что «каждый день, проведенный в школе, – крутая ступенька вверх».

Как-то однажды я для интереса подсчитал все дни, проведенные мною в школе, начиная с первого класса...

Получилось, что по этим маминым ступенькам я забрался уже очень высоко. Так высоко, что мне все, абсолютно все должно было быть видно и все на свете понятно.

Обычно по утрам Валерик, который жил этажом выше, сбегая вниз, давал три торопливых звонка в нашу дверь. Он не дожидался, пока я выйду на лестницу, он продолжал мчаться вниз, а я догонял его уже на улице. В то утро Валерик не позвонил...

Чудеса продолжались.

Все, словно заколдованные Дедом-Морозом, пытались удержать меня дома, не пустить в школу.

Но как только родители ушли на работу, я вскочил с кровати и заторопился...

«Вот, может быть, выйду сейчас, а у подъезда меня поджидает какое-нибудь сказочное средство передвижения! – мечтал я. – Нет, не ковер-самолет: всюду пишут, что он для новых сказок уже устарел. А какая-нибудь ракета или гоночный автомобиль! И унесут они меня... И все ребята это увидят!»

Но у подъезда стояло только старое грузовое такси, из которого выгружали мебель. Не на нем же мне предстояло унестись в сказочную страну!

Я пошел к школе той самой дорогой, по которой мог бы идти зажмурившись... Но я не зажмуривался – я глядел по сторонам во все глаза, ожидая, что вот-вот ко мне подкатит что-нибудь такое, перед чем весь наш городской транспорт просто замрет от изумления.

Вид у меня, вероятно, был очень странный, но никто из ребят ни о чем не спрашивал. Они вообще не замечали меня.

И в этом тоже было что-то новое и непонятное. Тем более, что в тот первый день после зимних каникул все должны были просто завалить меня

вопросами: «Ну, сколько раз был на Елках? Раз двадцать успел? А сколько ты съел подарков?..»

Но в то утро никто не шутил. «Не узнают они меня, что ли?» – подумал я. На миг мне стало обидно, что они вроде бы отделили меня от себя, – захотелось вместе с ними дойти до школы, войти в класс... Но я уже входил туда много лет подряд, а в Стране Вечных Каникул я еще не был ни разу! И я снова стал оглядываться и прислушиваться: не шуршит ли шинами, еле касаясь асфальта, гоночный автомобиль? Не спускается ли воздушный корабль, летающий по маршруту «Земля – Страна Вечных Каникул»? На перекрестке, возле светофора, стояло много разных машин, но среди них не было ни одного гоночного автомобиля и ни одного воздушного корабля...

Мне нужно было пересечь улицу и затем свернуть в переулок налево. Я уже шагнул на мостовую, стараясь ступать как можно легче: если меня вдруг подхватит какая-нибудь волшебная сила, пусть ей будет не очень трудно оторвать меня от земли! И вдруг услышал над самым своим ухом свисток. «Ага, предупреждающий сигнал!» – обрадовался я. Обернулся – и увидел милиционера.

Высунувшись по самый пояс из своего «стакана», он кричал:

– Не туда идешь! Заблудился, что ли? Остановка направо!

– Какая остановка?

Но уже в следующее мгновение я понял, что милиционер – это переодетый в синюю форму посланец Деда-Мороза. Волшебной палочкой, перевоплотившейся в полосатый милицейский жезл, он, конечно, указывал мне будущую остановку или, вернее сказать, посадочную площадку того самого... что должно было прилететь за мной и умчаться в Страну Вечных Каникул.

Я быстро пошел к столбу, возле которого, как у мачты с флагом (полотнище заменял прямоугольный плакатик – «Остановка троллейбуса»), выстроилась довольно-таки длинная очередь.

И прямо тут же, словно еле-еле дождавшись моего прихода, подкатил троллейбус, у которого впереди и на боку вместо номера было написано: «В ремонт!» Он был пустой, только в кабине склонился над своей огромной баранкой водитель, и сзади, возле слегка подмороженного окна, подпрыгивала на своем служебном месте, как всегда спиной к тротуару, кондукторша в платке. В те годы людям доверяли не так сильно, как сейчас, и троллейбусов без кондуктора еще не было.

Когда пустой троллейбус остановился и раздвинулись задние дверки-гармошки, кондукторша высунулась и обратилась не к очереди, а лично ко мне (ко мне одному!):

– Садись, дорогой! Добро пожаловать!

Я изумленно отшатнулся в сторону: никогда я еще не слышал, чтобы кондукторша так разговаривала с пассажирами.

– Сейчас не моя очередь, – сказал я.

– А им с тобой не по дороге! – Кондукторша указала на людей, выстроившихся возле столба. – У них – другой маршрут.

– Но мне не нужно «в ремонт»...

Конечно, кондукторша эта была не просто кондукторшей, потому что очередь не произнесла ни звука и потому что под ее взглядом я все-таки покорно залез в пустой троллейбус. Двери-гармошки с легким стуком захлопнулись за моей спиной.

– Но ведь он же идет... в ремонт, – повторил я, обводя лазами пустой вагон,

– А мне – в Страну Вечных Каникул...

– Не тревожься, хороший ты мой!

С доброй кондукторшей, как и с Дедом-Морозом, как и с милиционером, высунувшимся из «стакана», спорить было бесполезно: они знали все лучше меня!

«Если бы все кондукторши были такими ласковыми, как эта, – думал я, – люди бы просто не вылезали из трамваев и троллейбусов! Так бы и катались целый день по городу!»

У кондукторши на ремне болталась сумка с билетами. Я стал шарить в кармане брюк, где лежали деньги на завтрак.

– Если ты заплатишь и возьмешь билет, – строго предупредила кондукторша, – контролер оштрафует тебя!

Все было наоборот! Все было как в сказке! Или вернее сказать: все было в сказке. В самой настоящей!..

Хоть я ехал в Страну Вечных Каникул не в быстроходном автомобиле и не на воздушном корабле, но зато бесплатно и один в целом троллейбусе! Я сел на заднее сиденье, поближе к дверям-гармошкам.

– Тебя не трясет? – заботливо спросила кондукторша. – Ты ведь можешь сидеть где угодно: хоть впереди, хоть на моем кондукторском сиденье! Для этого тебе и подали отдельный троллейбус!

– Я люблю немного потрястись, – ответил я. – Так приятно подскакивать на одном месте!..

– Лишь бы тебе это доставляло удовольствие! – сказала кондукторша.

И я остался на своем заднем сиденье: мне было как-то неловко разгуливать по троллейбусу и пересаживаться с места на место.

– Первая остановка – твоя! – предупредила кондукторша.

Пустой троллейбус по-стариковски дергался и трясся сильнее, чем всегда, но мне казалось, однако, что все в нем было исправно, и непонятно было, зачем он катил «в ремонт». Вскоре он притормозил, остановился.

– До свидания, милый! – сказала кондукторша.

Я спрыгнул на тротуар. И увидел прямо перед собой Дом культуры медицинских работников. О чудо! На нем тоже висели дощечки со словом «Ремонт». Но не было ни строительных лесов, ни мусора, без которых не может быть никакого настоящего ремонта.

«Должно быть, это просто такой пароль», – решил я.

И, когда навстречу мне из дверей Дома культуры неожиданно выскочил массовик дядя Гоша, я коротко и таинственно произнес:

– Ремонт!

– Что, что? – переспросил дядя Гоша. – Не понимаю...

Дядю Гошу я знал давно: он выступал на многих Елках.

И мы с ребятами давно уже наградили его непривычным прозвищем из целых двух слов: «Давайте поприветствуем!» У него было вечно сияющее лицо, вечно радостный голос, и мне казалось, что в жизни у него вообще не может быть никаких горестей, печалей и бед.

Хоть сейчас дядя Гоша появился на улице без пальто и шапки, голос его был все так же весел и бодр:

– Пожалуйста в Страну Вечных Каникул!

И я вошел в просторный вестибюль Дома культуры – туда, где еще накануне собирались сотни нарядных ребят, пришедших на Елку. Сейчас я был в сверкающем, обрамленном гирляндами и флажками вестибюле один-одинешенек. А на лестнице, как и вчера, стояли лисы, зайцы, медведи и целый духовой оркестр.

– Давайте поприветствуем юного каникуляра! – воскликнул дядя Гоша.

– Кого?! – не понял я.

– Юные жители Страны Вечных Каникул называются каникулярами и каникулярами, – объяснил дядя Гоша.

– А где же они – каникуляры и каникуляры?

– Никого нет... Все население на данном этапе состоит из тебя одного!

– А где просто эти... которые были вчера? Ну, юные зрители?

Дядя Гоша виновато развел руками:

– Все в школе. Учатся... – И он снова воскликнул: – Давайте поприветствуем нашего единственного юного каникуляра!

И оркестр грянул торжественный марш, хоть я был одним-единственным зрителем, пришедшим на праздник. Марш гремел гораздо громче, чем накануне, потому что звуки его разносились по совершенно пустому вестибюлю.

А потом с белокаменной лестницы навстречу мне ринулись переодетые зверями артисты...

Я обомлел. Это было уже слишком. Это было чересчур даже для сказки. **ЧЕМПИОН, РЕКОРДСМЕН, ПОБЕДИТЕЛЬ!**

Но, впрочем, я тут же оправился от смущения. В ту пору я вообще редко смущался и всегда очень быстро приходил в себя.

Ликующий голос массовика дяди Гоши помог мне овладеть собой. Накануне я попросил Деда-Мороза: «Пусть всегда будет Елка!» – и массовик вел утренник по той же самой программе, что и вчера, не меняя ни одного слова. Поэтому ко мне он обращался во множественном числе: «Сейчас вы,

друзья, подниметесь в большой зал!» И я поднимался. «Сейчас вы, друзья, посмотрите акробатический номер!» И я смотрел.

Я был горд тем, что меня называют так уважительно: «Вы, друзья!» Мне очень хотелось, чтобы рядом очутился Валерик и услышал, с каким почтением обращается ко мне сам главный помощник Деда-Мороза. Но потом я сообразил, что, если бы Валерик очутился рядом, тогда в обращении «Вы, друзья!» уже не было бы ничего удивительного: ведь нас и в самом деле было бы двое!

Дядя Гоша был мастером своего дела: обращался ко мне в прозе и стихах, которые сочинял сам. Последнюю стихотворную строку он обычно не дочитывал до конца – он таинственно умолкал, чтобы рифму угадали сами юные зрители.

В то утро дядя Гоша воскликнул: Ну, а сейчас с огромным чувством Мы познакомимся с...

– Искусством! – угадал я.

– Хорошо, хорошо! Тоже будешь поэтом! – похвалил меня дядя Гоша.

И сразу начался концерт... Мне казалось, что песен и танцев в то утро было гораздо больше, чем накануне, потому что раньше они как бы распределялись на сотни юных зрителей, а в то утро доставались мне одному. И я был просто в восторге!

«Все ребята сейчас сидят в классе, – радовался я, – зубрят, потеют у доски. А я – снова на Елочном празднике, как их полномочный представитель, или, сокращенно говоря, полпред!»

Для меня одного пели певцы, и аккомпанировали аккомпаниаторы, и танцевали танцоры. Потом артисты кланялись (тоже мне одному!) и ждали, пока я аплодисментами попрошу их исполнить что-нибудь еще. Но я хлопать не торопился... Я на несколько мгновений задумывался, как бы размышляя над увиденным и услышанным, а затем уже аплодировал. Разным артистам я хлопал по-разному – одним погромче, другим потише, чтобы все видели, что у меня есть свой вкус и свои взгляды на искусство. Потом дядя Гоша вновь перешел на стихи: Ну, а сейчас с большим задором Все будем петь! Что значит...

– Хором! – подхватил я.

И мне действительно пришлось петь, потому что это входило в программу утренника. На несколько минут я даже пожалел, что со мной рядом не было, как вчера, других школьников и школьниц, потому что петь «хором» одному очень трудно. Особенно, если у человека такой ужасный слух, как у меня. Накануне голоса ребят как бы заслоняли собой мой голос, но в то утро заслонять было некому...

И я запел. Песня была очень длинной, и я не мог остановиться посередине, потому что мне аккомпанировал целый оркестр. Все шло по вчерашней программе, и поэтому, когда я, наконец, закрыл рот, зайцы, медведи и лисы захлопали мне очень громко, как и полагалось.

А сам массовик опять перешел на рифмы: Собирайся, весь народ,
Собирайся в...

– Хоровод! – угадал я.

И один пошел «хороводом» вокруг елки. Это тоже было не очень приятно, но все же легче, чем петь.

Зато потом грянул туш, и появился Дед-Мороз в окружении своей свиты. Впереди на легких серебристых роликах кружилась Снегурочка. Она подкатила прямо ко мне, и я взволнованно вскочил со своего места, потому что она была внучкой Деда-Мороза, а внучка волшебника, конечно, и сама тоже хоть немного волшебница.

– Дедушка поручил мне оформлять прописку в Стране Вечных Каникул. Но до сих пор я была без всякой работы: прописывать было некого! – сказала она. – У тебя есть паспорт?

Она спросила это так деловито, словно была паспортисткой из нашего домоуправления.

– Пока еще нету... – ответил я.

– Тогда мне некуда поставить штамп о прописке, – сказала она.

– Меня при рождении, кажется, вписали в мамин паспорт, – тихо сообщил я.

– Но туда я не могу поставить свой штамп, – возразила Снегурочка, – ведь твоя мама не выразила желания быть жительницей Страны Вечных Каникул. Ты – первый каникуляр в вашей семье, и во всей вашей школе, и во всем вашем городе...

– А как же тогда быть? – пробормотал я.

– Ничего! Считаю, что ты все равно прописан. Мы отметим это в твоём пригласительном билете. Билет-то хоть у тебя есть?

Я протянул свой измятый и замусоленный вчерашний билет, где был уже оторван корешок с заветным словом: «Подарок». Снегурочка повертела билет в руках, что-то пошептала, на миг крепко зажала его между ладонями и вернула мне. Я взглянул на билет – и увидел новое чудо: билет стал новеньким, даже вновь запах типографской краской. Корешок с «Подарком» опять был на своем месте, а наверху красовался прямоугольный штамп, на котором было написано: «Прописан постоянно. По адресу: Страна Вечных Каникул».

– В конце утренника дай билет на подпись Деду-Морозу, – сказала Снегурочка. – Без его подписи недействительно.

И Снегурочка-паспортистка умчалась на своих легких серебристых роликах. Дед-Мороз, как и накануне, встал в центре зала с секундомером в руке, будто судья на стадионе, и объявил соревнования «Кто всех быстрее? Кто всех ловчее? Кто всех умнее?»

Снова ко мне подвели под уздцы «старого, но боевого коня» – облезлый зеленый велосипед (должно быть, дядя Гоша возил его с Елки на Елку), я опять взобрался на кожаное седло и нажал на педали. Но, на этот раз я не

очень торопился – мне было ясно, что я все равно буду «всех быстрее», потому что соревновался я сам с собой.

Я ехал счастливый, заранее видя себя двукратным велосипедным чемпионом медицинской Елки. «Как это здорово: быть абсолютно уверенным в своей победе! – думал я, от удовольствия совсем уже замедляя ход. – Никто не может меня догнать и обойти!»

О спортсменах-гонщиках в газетах часто пишут примерно так: «У них не оставалось времени ни для каких мыслей, кроме одной: «К финишу! Скорей к финишу!..» А у меня для мыслей времени было вполне достаточно. И я размышлял о том, какие призы вручит мне Дед-Мороз за то, что я бесспорно окажусь «всех быстрее, всех ловчее и всех умнее». И еще я думал: «Ведь праздник идет точно так, как вчера... Может, и подарков в конце принесут столько же? А получать их буду я один!»

Размечтавшись, я подъехал к финишу на самой медленной скорости. Сразу же было объявлено, что я «быстрее всех», и мне был вручен победный приз. Конечно, не такой, как накануне. Самый необычайный приз может быть вручен только один раз, иначе он не был бы «самым необычайным». На этот раз Дед-Мороз вручил мне красивый бумажный пакет, раскрашенный в красный и зеленый цвета. Я заглянул внутрь и с радостью увидел, что в пакете мои любимые белые и розовые брусочки пастилы, шоколадная медаль в золотой обертке и мятные пряники.

Я успел засунуть в рот одну конфету, откусить кусочек сладкой коричневой медали и ощутить во рту охлаждающий, словно зубной порошок, вкус мяты: в конце концов, спортсмен должен подкрепить свои силы после одного ответственного состязания и накануне другого!

– Кто всех ловчее?! – провозгласил Дед-Мороз.

И я вышел вперед, готовый вновь ринуться в соревнование с самим собой! Нужно было запомнить, где дядя Гоша расставил три металлических кольца, и потом с завязанными глазами пролезть или прыгнуть сквозь кольца, как через тоннель, не задев их и не стронув с места.

Дядя Гоша вообще очень любил, чтобы юные зрители закрывали или завязывали глаза: в эти-то минуты он и совершал все самое загадочное и чудесное. «Вы видите: я – в черной куртке! – восклицал дядя Гоша. – Теперь закройте глаза! Откройте!.. Я – уже в красной!.. Закройте глаза! – командовал он. – Теперь быстро откройте! Вот и зажглась наша зеленая красавица!

Мальчишки редко подчинялись дяде Гоше или закрывали только один раз. Поэтому они видели, что массовик просто сбрасывал одну куртку, под которой была другая. Но зато они улавливали и тот в самом деле прекрасный миг, когда заливалась огнями елка, будто кто-то высыпал на нее сверху горсть драгоценных камней.

А девочки, всегда более исполнительные, по команде дяди Гоши аккуратно моргали ресницами, словно куклы с закрывающимися и открывающимися глазами.

Я пристально, чтобы хорошенько запомнить, посмотрел, где дядя Гоша расставлял металлические кольца. Мне завязали глаза носовым платком... Я стремительно прыгнул – и ничего не задел. Но оказалось, что я прыгнул мимо кольца. Второе кольцо повисло у меня на шее. А через третье я пролез как полагалось: не задев и не тронув с места. Таким образом, я набрал одно очко из трех возможных. И тут же на весь Дом медицинских работников торжественно объявили, что я «всех ловчее».

Дед-Мороз вручил мне еще один приз: пергаментный конверт, раскрашенный в голубой и желтый цвета. Я заглянул внутрь и увидел, что там – белые и розовые прямоугольнички пастилы, шоколадная медаль в серебряной обертке и медовые пряники.

Я еще немного закусил перед третьим, самым ответственным состязанием «Кто всех умнее?»

Говорят: «Один ум хорошо, а два – лучше!» Но в то утро мне было очень приятно, что мой ум один-одинешенек участвовал в соревновании: победа ему, таким образом, была обеспечена!

Нужно было отгадать три загадки... Дядя Гоша, обвязав свою блестящую лысину чалмой на манер восточного факира, скрестил руки на груди и произнес:

– Два кольца, «два конца, а посередине – гвоздик!

И, хотя разгадка была хорошо известна мне еще в детском саду, я ответил не сразу. Сперва я погрузился в глубокую задумчивость, потом потер немного ладонями виски – и, наконец, не вполне уверенно ответил:

– Кажется, ножницы...

Дядя Гоша вновь скрестил руки на груди и поднял глаза к потолку, увитому гирляндами и хвоей.

– Без окон, без дверей – полна горница людей!

Я снова наморщил лоб, опять потер ладонями виски и тем же неуверенным голосом сказал:

– По-моему, огурец...

Вообще-то говоря, первые две загадки дядя Гоша всегда задавал дошколятам. Но так как он не менял в своей вчерашней программе ни единого слова, а я как бы представлял в этот день в зале школьников всех возрастов, то мне за мои ответы были засчитаны сразу два очка.

Третья загадка была потруднее и не такая известная – ее дядя Гоша обычно задавал ребятам постарше. Но тут уж мой ум жил, как говорится, «чужим умом»: ответ я запомнил еще накануне. И повторил его...

Но тоже, конечно, не сразу, а глубоко поразмыслив и потеряв виски ладонями.

Мне был вручен третий приз: целлофановый пакет, раскрашенный в коричневый и синий цвета. Я даже не стал заглядывать внутрь, я уже заранее знал, что там пастила, шоколадная медаль и пряники...

Таким образом, я стал абсолютным чемпионом: победил во всех трех соревнованиях! Зайцы, лисы и медведи танцевали вокруг меня, воспевали мои достижения и протягивали свои лапы для крепкого дружеского «лапопожатия».

Но потом все расступились: ко мне своей степенной дед-морозовской походкой подошел Дед-Мороз.

В руках у него был мешок, из которого он всегда в конце праздника доставал самые желанные для ребят, самые заветные новогодние подарки. Мне только казалось немного странным, что он, волшебник и чародей, одновременно, как какой-нибудь контролер у входа, отрывал от билета корешок со словом «Подарок».

«Отдал бы мне весь мешок сразу! – подумал я. – Ведь, кроме меня, дарить подарки здесь абсолютно никому».

И хоть я с трудом удерживал в руках три пакета со своими призами, но как-то, сам того не замечая, потянулся еще и к мешку.

– Нет, – остановил меня Дед-Мороз, – призы ты уже получил... А подарок я могу дать тебе только один: бухгалтерия выписывает подарки по числу зрителей. И тут даже волшебная сила бессильна! В бухгалтерские дела и расчеты мы, честные волшебники, не вмешиваемся. Так что, хоть ты и заменял сегодня целый зрительный зал, получай всего-навсего одну коробку.

Я взял жестяную коробку, мельком заглянул в нее. Так и есть: пастила, шоколадная медаль и тульские пряники. Сбывались мои самые заветные желания и мечты!

Я протянул Деду-Морозу пригласительный билет, чтоб он, как всегда, оторвал корешок со словом «Подарок». Он оторвал. Потом положил билет на одну рукавицу, накрыл сверху другой, на миг крепко зажал его между рукавицами – и корешки со словами «Подарок» и «Контроль» снова оказались на своих местах, будто никто их и не отрывал.

– Это чтобы ты завтра снова мог прийти сюда и опять получить свой подарок, – объяснил Дед-Мороз.

– И сколько еще раз будут эта утренники? – спросил я.

– О, сколько захочешь! Ведь ты прописан в Стране Вечных Каникул навечно! А если пожелаешь развлекаться как-нибудь еще – только обратись, только сообщи, и твое желание будет исполнено! Слово каникуляра для нас – закон!

– Но куда же я обращусь?

– В старых сказках обращались к разным неодушевленным предметам, которые назывались талисманами. Или, например, брали в руки зеркальце и просили его: «Ты мне, зеркальце, скажи да всю правду доложи!..» Этот

способ давно устарел. Теперь для получения заявок на исполнение желаний мы, волшебники, используем новейшие средства связи. Лучше всего – телефон. Ты наберешь две двойки – и тебе сразу ответит «Стол заказов»...

Я поморщится:

– Странный немного... телефонный номер. Одна двойка – и то как-то неприятно, а тут целых две!

– О, ты не прав! – воскликнул Дед-Мороз. – Мы специально подобрали именно такой номер: чтобы он был привычен и близок сердцу каникуляра. Наберешь – и сразу ответит «Стол заказов»!

– Как в магазине?

– О нет, это совсем другое дело. Там принимают заказы на продукты, а тут на исполнение желаний. Так что звони, не стесняйся! Но только по поводу развлечений! Других желаний мы выполнять не можем. А отвечать тебе будет Снегурочка. Она заведет этим «Столom».

– Но ведь она – паспортистка...

– А там работает по совместительству. Страна Вечных Каникул была в вынужденном простое... Из-за отсутствия каникуляров. И у нас произвели сокращение штатов. Теперь благодаря тебе мы опять заработали! Подавай заявки на любые развлечения... Будем удовлетворять!

– А как же школа? – спросят я.

– О, об этом ты не волнуйся, – авторитетно заверил меня Дед-Мороз. – Учителя будут только довольны.

– А папа с мамой?

– И они тоже!

Я, конечно, не мог усомниться в его словах: ведь он уже на деле доказал мне, что может запросто совершать чудеса!

«Как это замечательно! – размышлял я. – Если пожелаю, каждый день буду веселиться, получать призы и подарки! Ходить куда захочу и смотреть что захочу!..»

– Значит, Страна Вечных Каникул – не только здесь, не только в этом доме? – на всякий случай еще раз решил удостовериться я.

– Нет, здесь только столица этого государства. Она называется Докмераб, что в расшифрованном виде обозначает: Дом культуры медицинских работников. Запомни на всякий случай: Докмераб! А сама Страна Вечных Каникул отныне будет для тебя всюду: и дома и на улице...

– И во дворе?

– Во дворе тоже!

И я отправился во двор. Я шел по улице, жуя попеременно то пастилу, то шоколад, то пряник. Я был горд тем, что стал единственным в нашем городе каникуляром. И что теперь, если захочу, каждый день буду «всех быстрее» и «всех ловчее». Но главное – «всех умнее»! Хорошо было бы, конечно, чтобы это заметили мама и папа. И все мои приятели тоже. И

Валерик... Ведь когда наших успехов никто не замечает, это очень обидно.
Тем более, что самому рассказывать о них как-то неудобно.
Я шел во двор, чувствуя себя чемпионом, рекордсменом и победителем!